

Юбилей Октября

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

2007 № 10

Богом, правдою и совестью оставленная
Россия — куда идешь ты — в сопутствии
своих воров, грабителей, негодяев, скотов
и бездельников?

А. В. Сухово-Кобылин

Десятки лет идут нескончаемые дискуссии о сущности Октябрьской революции 1917 года, роли в ней народных масс и внешних сил, ее результатах. Одни называют ее преступным переворотом, другие — всемирно-историческим событием. То, что эти споры не стихают многие десятилетия на всех континентах, свидетельствует: революция 1917 года и ее последствия были поистине глобальным явлением, имели историческое значение, а вовсе не представляли собой некую случайность, зигзаг в развитии страны.

* * *

Свергнув царизм, Февральская революция, безусловно, превратила Россию по политическому строю в одну из передовых демократических стран мира. Почему же тогда не утвердился буржуазно-реформистский путь развития? Почему Россия, не завершив еще буржуазной эволюции к зрелому и свободному от остатков феодализма капитализму, не закрепив демократического строя, круто повернула, причем раньше передовых стран Запада, на новый, социалистический путь?

Причина в том, что Февраль так и остался *политической революцией*, не сумев решить *социальных* задач. Придя к власти, освободившись от опеки царизма, буржуазия старалась оттянуть разрешение этих назревших задач либо пойти на умеренные реформы, которые не затрагивали бы интересов капитала и крупных землевладельцев. Из-за призрачных стремлений к империалистическим захватам не желала она отказаться и от продолжения войны. Временное правительство, называвшееся временным потому, что управляло страной до Учредительного собрания, всячески саботировало его созыв: буржуазия с полным основанием опасалась, что в обстановке демократической

революции это собрание окажется слишком левым. В отношении социальных реформ она заняла однозначную позицию: «сначала успокоение, а потом реформы». Оставался нерешенным вопрос о земле, обостряя вековой конфликт между многомиллионным крестьянством и горсткой помещиков. Рабочий класс подвергался жестокой эксплуатации, а на удовлетворение его основных требований (о введении 8-часового рабочего дня, повышении заработной платы и т. д.) правительство и капиталисты соглашались лишь под воздействием сильнейшего напора снизу. День ото дня усиливалась хозяйственная разруха. Крайне острыми были и противоречия между чаяниями народов национальных районов России и великодержавно-шовинистической политикой русской буржуазии.

Не решив социальных задач, развитие революции неизбежно пошло к пролетарскому, большевистскому финалу. Видный деятель кадетской партии В. Маклаков в свое время точно выразил соотношение Февральской и Октябрьской революций. «Не будь Октября, — писал он, — Февраль мог остаться сотрясением на поверхности... В России остались бы прежние классы, остался прежний социальный строй, могла бы быть парламентарная монархия или республика»¹.

До осени 1917 года в народном движении главенствовали демократические партии — меньшевики и эсеры, с 5 мая они входили во Временное правительство, то есть стали наряду с кадетами правящими и правительственными партиями. Их целью было решить назревшие задачи реформистскими методами, вывести страну из кризиса и обеспечить ее развитие по буржуазно-демократическому пути. Меньшевики были убеждены, что Россия в силу ее отсталости еще не созрела для социализма, и считали, что «пределом возможных завоеваний... является полная демократизация страны на базе буржуазно-хозяйственных отношений»². Ленин так оценивал намерения эсеро-меньшевистского блока: «Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией». Но, добавлял он, «реформами не поможешь. Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи — *нет*»³.

Трезво оценив катастрофическое положение страны осенью 1917 года, большевики совершенно открыто указали на революционный выход из тупика как единственно верный путь национального спасения. В необходимости радикальной социальной революции они видели практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, то есть конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития.

В самый канун Октября произошла резкая поляризация классовых и политических сил на два противостоящих друг другу лагеря: революции

¹ *Цит. по:* «Родина». 1992. № 4. С. 89.

² **И. Г. Церетели.** Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1968. Кн. 1. С. 22.

³ **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч. Т. 32. С. 386, 407.

и контрреволюции. Русская буржуазия, давно уже жаждавшая военной диктатуры, осенью 1917 года окончательно отказалась от поддержки демократии и, следовательно, от всяких реформистских идей. Позднее, находясь в эмиграции, это признал лидер кадетской партии П. Милуков. Он писал, что в стране тогда создалось «парадоксальное положение»: буржуазная республика защищалась «одними социалистами умеренных течений», утратив в то же время «последнюю поддержку буржуазии»⁴. Буржуазные круги взяли курс на подготовку контрреволюционного мятежа — «второй корниловщины».

Теперь народным массам приходилось выбирать не между властью Советов и буржуазной демократией, как в первые месяцы революции, а между властью Советов и диктатурой контрреволюционной военщины. Суть сложившейся в канун Октября альтернативной ситуации лидер большевиков выразил так: «Выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата»⁵. Исторически бесспорно, что если бы большевики промедлили со взятием власти и не упредили контрреволюцию, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. Наступили бы десятилетия жесточайшего террора, социального, экономического и культурного регресса.

Одновременно осенью 1917 года грозные очертания приобрела и новая опасность: возможность анархического бунта. Такой бунт был чреват гибелью культуры и в конечном счете также обернулся бы иностранным вмешательством и торжеством контрреволюционной диктатуры. Одной из причин, почему Ленин торопил большевиков со взятием власти, были опасения, что стихийный взрыв анархии опередит все расчеты и планы революционных сил. Как признавал Н. Бердяев, «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»⁶.

История никогда не прощает политикам — пусть даже они руководствуются самыми благими намерениями — промедления и бездеятельности в переломные, решающие моменты развития. Поэтому крах Временного правительства был закономерным и predetermined. Один из видных кадетских деятелей, А. Изгоев, отмечал в сборнике «Из глубины», изданном в 1918 году, что «большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими»⁷.

⁴ П. Н. Милуков. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 3. С. 7.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 406.

⁶ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. — Н. А. Бердяев. Сочинения. М., 1994. С. 361—362.

⁷ А. С. Изгоев. Социализм, культура и большевизм. — «Вехи». «Из глубины». М., 1991. С. 362—363.

Нынешние «ниспровергатели» Октября навязывают мысль, что большевики своей революцией вывели Россию за пределы общемирового развития, обрекли ее на бессмысленные эксперименты по осуществлению утопической идеи социализма. На это хотелось бы ответить словами покойного академика П. Волобуева — отнюдь не замшелого ортодокса, а, наоборот, смелого, мужественного ученого, который в брежневские времена за попытки очистить историческую науку от деформаций и наслоений сталинщины на протяжении многих лет подвергался гонениям. «Неверно, — писал он незадолго до своей кончины, — сводить Октябрьскую революцию к попытке осуществления утопической, социалистической идеи. Ее содержанием стало решение общенациональных и общецивилизационных задач, а именно: преодоление отсталости России; завершение начатой капитализмом промышленно-аграрной модернизации; создание мощного научно-технического потенциала; повышение культурного и жизненного уровня народа. Пример России разбудил не только Европу, но и весь мир, заставил западный капитализм во имя выживания заняться собственной “перестройкой”. А уже одна наша победа в Великой Отечественной войне исторически оправдывает Октябрь 1917 года и ее вождя — Ленина»⁸.

Сходную оценку можно найти у великого английского философа Бертрама Рассела, который посетил революционную Россию в 1920 году. Не принадлежа к числу поклонников большевиков, он, тем не менее, писал в книге «Практика и теория большевизма»: «Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивают с Французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества; она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей»⁹. Под непосредственным воздействием Октября до неузнаваемости изменился весь мир...¹⁰

⁸ «Рабочая трибуна». 04.11.1997.

⁹ **Б. Рассел.** Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

¹⁰ Трудно не согласиться с мнением Дм. Куликова: «Историческая роль и значение нашей страны заключается в том, что мы своим величайшим социальным экспериментом (1917—1990) создали конкурентные условия для интенсивного развития всей европейской цивилизации. Это безусловный факт. Если бы не нужно было конкурировать с СССР, в США до сих пор была бы официально закреплена расовая дискриминация и не было бы в Европе никаких социальных государств и развитой системы социальных гарантий» («Профиль». 19.07.2007. № 27. С.19). Ту же мысль высказывает политолог С. Черняховский: «Рыночный, индустриальный капитализм, существовавший сто лет назад, к началу XX века столкнулся с величайшим кризисом, который он не мог разрешить в рамках прежних форм своего существования. Социалистическая революция в России и успехи социалистического строительства в СССР поставили его перед выбором — измениться или погибнуть, поскольку соревнование с индустриальным социализмом было им окончательно проиграно во второй четверти века... Мобилизуя перед лицом гибели свои внутренние ресурсы, капитализм, используя опыт социализма, сумел решить три важнейшие задачи: он начал переход от рыночной к плановой экономике, изменил систему мирового разделения труда, активно вступил в эпоху перехода к постиндустриальному производству» (см. «Политический класс». 2007. № 7).

* * *

Современные хулители Октября постоянно навязывают мысль о «случайном» характере революции, будто бы прервавшей нормальный, поступательный ход развития страны в 1917 году и ставшей чем-то вроде противоестественного зигзага в истории. Некорректно вообще противопоставлять Февраль Октябрю или отрывать их друг от друга. Они представляли собой лишь две фазы единого революционного процесса, что убедительно показал в своих исторических трудах еще лидер кадетов П. Милуков: «...Никакая большая революция, — писал он, раскрывая объективную обусловленность Октября, — не ограничивается своей первоначальной целью — более или менее драматическим свержением старой центральной власти. Революция есть сложный и длительный процесс: постепенная смена настроений в широких социальных слоях. Нужно время, чтобы этот процесс начался в массах и прошел через все свои естественные стадии. Пока они не пройдены, революция должна следовать своему неизбежному курсу и не может остановиться на середине. Революционный пожар должен выжечь дотла все, что уцелело от низвергаемого порядка, — не только все учреждения, но и все пережитки психологии. Она останавливается среди созданных ею развалин и произведенного опустошения лишь тогда, когда с удовлетворением замечает, что среди элементов предстоящей реконструкции нет сомнительных: все зелено, но не гнило. Только тогда она успокаивается на социальных и политических достижениях, не допускающих реставрации и, наверное, не имеющих связи с прошлым. С этой точки зрения “коммунистическая” революция 25 октября 1917 года не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции... Большевицкая победа лишь продлила общий процесс русской революции. Она только открыла новый период ее. Существенна в этой победе не поверхностная смена лиц и правительств и даже не перемена их тактик и программ, а непрерывность великого основного потока революционного преобразования России, плоды которого одни только и переживут все отдельные стадии процесса»¹¹.

Можно не разделять исторические воззрения и оценки А. Солженицына, но нельзя не согласиться с одним из его центральных выводов. Уже апрель 1917-го, отмечал он, «выявляет вполне ясную картину обреченности февральского режима — и нет другой решительной собранной динамичной силы в России, как только большевики: октябрьский переворот уже с апреля вырисовывается как неизбежный. После апреля обстановка меняется скорее не качественно, а количественно»¹².

¹¹ Л. Милуков. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 40—41.

¹² А. И. Солженицын. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. — Узел IV. Апрель Семнадцатого. На обрыве повествования. М., 1997. Т. 10. С. 559.

Революционные потрясения 1917 года, безусловно, были не результатом некоего «заговора горстки путчистов». В свое время все инсинуации насчет «верхушечного» или «военного заговора» большевиков отверг активный участник революционных событий 1917 года, автор знаменитых «Записок о революции» меньшевик-интернационалист Н. Суханов. По его словам, «говорить о военном заговоре вместо народного восстания, когда за партией идет подавляющее большинство народа, когда партия фактически уже завоевала всю реальную силу и власть, — это явная нелепость»¹³. Как будто обращаясь к современным критикам Октября, рассуждающим о том, что большевики не опирались 25 октября на широкие массы народа, Суханов писал: «Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т. д. Это — особо счастливые условия нашего октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом»¹⁴. Зато антибольшевистское выступление юнкеров 29 октября Суханов, наоборот, квалифицирует как заговор, который «был учинен чисто конспиративным путем — без всякого участия масс, против их воли, без их ведома, у них за спиной»¹⁵.

Даже яростные обличители лидеров Октября лишены возможности обвинить большевистских лидеров в стремлении к личному обогащению, к чинам и власти. Возможно, они трактовали народное благо весьма одномерно, но стремились-то они к нему! И если бы сами народные массы не хотели, никакая партия — горстка людей в пространстве огромной страны — не была бы в состоянии поднять их и увлечь за собой.

Многим, очень многим в октябре 1917-го казалось, что отныне люди действительно начнут жить по совести, что воцарятся человечность, равенство, братство. А в повсюду звучавшем лозунге «Кто был ничем, тот станет всем» слышалось вполне евангельское: «...Будут первые последними и последние первыми». Большинство людей было тогда убеждено: нравственно, справедливо все, что отвечает интересам этого большинства — трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных, ради которых и совершалась революция. А разве Декрет о мире не отвечал интересам абсолютного большинства трудящихся? Разве Декрет о земле, объявивший землю общенародной собственностью, не учитывал представления о справедливости подавляющего большинства крестьян? Декрет о рабочем контроле открывал путь для создания рабочего самоуправления.

¹³ Н. Н. Суханов. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 282.

¹⁴ Там же. С. 345.

¹⁵ Там же. С. 369.

Да и Декларация прав народов России, как и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа действительно удовлетворяли стремление угнетенных народов к свободному национальному развитию. Даже применение большевиками насилия первоначально воспринималось народом как вынужденная мера, как «необходимая оборона» новорожденной демократии рабочих и крестьян, направленная на то, чтобы раз и навсегда покончить с насилием свергнутых классов, обеспечить победу идеалов революции.

«Можно спорить о множестве событий, явлений, о людях Октябрьской революции, — пишет проживающий ныне в Канаде крупный российский специалист по истории революции 1917 года Г. Иоффе. — Но есть главное, решающее, то, что поднимает Октябрь до положения величия. Это он, Октябрь, впервые попытался изменить мир, в котором одни поклоняются золотому тельцу, а другие подвергаются эксплуатации. В этом мире теряется совесть, проповедуется социальный дарвинизм. Великая Октябрьская революция впервые создавала общество социальной справедливости, при котором человек должен был стать другом, товарищем и братом»¹⁶.

Увы, лучшим надеждам не суждено было сбыться. Многие из них оказались иллюзиями. Тем не менее поддержка, оказанная большевикам в октябре 1917 года, тем и объясняется, что миллионы людей увидели в них, в их требованиях мира, земли, социального равенства воплощение высших нравственных ценностей.

Можно предъявить очень много справедливых, суровых упреков большевикам — да и их противникам тоже — за огромное количество упущенных шансов найти общий язык друг с другом, договориться, сделать все, чтобы не допустить гражданской войны. Здесь и неспособность всех сторон найти основу для формирования коалиционного правительства социалистов, и роспуск большевиками Учредительного собрания, и их упоение легко давшейся победой, и явно несбыточные надежды с помощью декретов, без сотрудничества с другими общественными силами в кратчайшие сроки осчастливить трудящиеся массы «новой жизнью». Ну, а могло ли, спрашивается, произойти иначе в огромной крестьянской стране с неразвитым гражданским обществом, с крайне низкой политической культурой, да еще прошедшей только что через небывалую по жестокости войну? Можно ли было избежать национальной трагедии в тогдашней России, переживавшей глубочайший раскол, крайнюю поляризацию политических и социальных сил? К тому же нельзя забывать, что, как нередко бывает в истории, конкретными действиями большевиков чаще всего руководила, если использовать знаменитое выражение Сен-Жюста, не логика идей, а логика вещей. Неправомерно вообще судить о ленинской «эпохе крови и железа» с позиций сегодняшнего вульгарного времени навязчивого потребления и барыша.

¹⁶ «Московские новости». 2007. № 32.

Конечно, мы не вправе забывать раскулачивание, ограбление деревни, разгром православной церкви, засилье цензуры, гонения на инакомыслящих, пороки «культы личности». Но нельзя и предавать забвению то, что в истории России XX века были и колоссальный экономический подъем, индустриализация, взлет науки, доступность культуры и образования для всех слоев населения. Был дух коллективизма и энтузиазм населения, которых так не хватает сегодня. И дружба народов существовала не только в виде знаменитого фонтана на ВДНХ, но и в действительности.

Если крестьянские дети обрели возможность получить высшее образование, стать генералами, писателями и инженерами, то, значит, в жизни советского народа на деле происходили огромные позитивные сдвиги. Социальная защищенность, оптимизм, вера в будущее — все это было реальностью, которую ощущал каждый. Как верно замечает автор одного делового журнала, «люди жили тогда с реальным ощущением, что они поднимаются с колен, что они наполняются человеческим достоинством. Невозможно было ни выиграть войну с фашизмом, ни выйти в космос, ни превратить страну в мировую державу, если бы не чувство достоинства»¹⁷.

* * *

В последние годы несть числа публикаций, радио- и телепрограмм, в которых сервильные авторы, клеймя на чем свет стоит Советскую власть, рисуют благостную картину возможного, вероятного будущего, которое ожидало Россию, если бы злокозненные большевики не совершили переворота в октябре 1917-го. С. Новиков, например, в статье «Случайность неизбежности»¹⁸ выражает уверенность в том, что, не будь Октябрьской революции, Россия двигалась бы исключительно по пути прогресса и благоденствия. Но на страницах того же издания ему тут же резонно возразили: «А не логичнее ли предположить развитие не только России, но и всей Европы, например, по модели Аргентины с ее ужасающим разрывом между бедностью и богатством?»¹⁹ Историки вообще-то не очень жалуют сослагательное наклонение. Но коль скоро получили широкое распространение ни на чем не основанные фантазии относительно так и не состоявшейся в начале XX века «демократической, процветающей России», нельзя не опустить восторженных авторов на грешную землю. Если не сочинять утопии в угоду сегодняшним правителям и господствующему ныне классу крупных капиталистов, а исходить из реальной обстановки, сложившейся в канун Октября, то не так уж трудно представить себе, что в действительности ждало бы страну, не прои- зойди тогда по той или иной причине народная революция.

¹⁷ «Национальный банковский журнал». Декабрь 2005 — январь 2006. С. 111.

¹⁸ «Московские новости», 2007. № 25.

¹⁹ «Московские новости», 2007. № 28.

Прежде всего, рухнули бы скорее всего надежды на демократизацию общества. Учитывая, насколько буржуазия была перепугана активизацией революционно настроенных масс и колоссальным перевесом левых настроений в стране, Учредительное собрание наверняка было бы разогнано реакционной военщиной. А если вспомнить, например, как сподвижники «Верховного правителя» адмирала Колчака зверски расправились с депутатами Собрания даже от кадетской партии, то не остается сомнений в том, что такая же судьба ждала и всех остальных его депутатов, тем более что более трех четвертей его составляли представители ненавистных белым левых партий. Естественно, трагическая участь была уготована и Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В стране почти наверняка воцарилась бы самая махровая контрреволюция, которая потопила бы в крови всякие демократические движения и установила жесточайшую диктатуру со всеми прелестями репрессий и террора, возможно, даже пострашнее сталинских²⁰.

Крестьянство, как показала политика другого «спасителя» России — генерала Деникина, наверняка не получило бы права собственности на захваченную в ходе «черного передела» землю. Как это и произошло повсеместно, где была установлена власть белых, землю тут же вернули бы прежним владельцам. В итоге ситуация в деревне обострилась бы до предела. И в стране вспыхнула бы просто несколько иная по форме, но не менее жестокая гражданская война.

В силу того, что Россия в течение 1917 года распалась на множество «самостийных» квазигосударств, собрать ее вновь под белыми имперскими лозунгами «единой и неделимой» не было никакой возможности, да и союзники по Антанте (не говоря уже о Германии), заинтересованные в дезинтеграции России, вряд ли допустили бы такое собиранье русских земель. А любые попытки силой добиться интеграции привели бы лишь к новым кровопролитным вооруженным столкновениям. Нашу страну, очевидно, ждала бы та же печальная участь, которая выпала на ее долю в результате беловежского сговора, приведшего к разрушению Союза ССР. Вновь объединить, сплотить Россию, вернуть ей статус великой

²⁰ Характерное признание, свидетельствующее о том, что скорее всего ждало бы Россию в случае победы контрреволюции, принадлежит видному деятелю партии правых эсеров А. Аргунову. Он описал, как боровшееся против Советской власти «сибирское временное правительство», захватившее власть в Омске в 1918 году и ныне превозносимое в сервильных СМИ, расправлялось не только с большевиками, но и с эсерами, меньшевиками, трудовиками и даже кадетами, ликвидировало завоевания и Октября, и Февраля. Одним из первых его «законодательных» актов было «постановление об отобрании у крестьян земель, занятых ими во время революции у помещиков, и передаче в руки их владельцев». За этим последовало «воспреещение одновременно не только организаций, носящих название «Советы»..., но и вообще рабочих организаций» (А. Аргунов. Между двумя большевизмами. Париж, 1919, с. 23). Тысячи людей немедленно стали жертвами белого террора, еврейских погромов (лиц еврейской национальности в контрразведках белых армий расстреливали вообще без всякого суда и следствия, о чем, как ни странно, упорно умалчивают наши «демократические» СМИ, кичащиеся своей непримиримостью к любым проявлениям антисемитизма). Фактически над Россией тогда нависла вполне реальная угроза установления режима, однотипного по своему содержанию и политическим методам с теми, что некоторое время спустя под флагами фашизма и нацизма пришли к власти в Италии и Германии.

державы оказалось возможным только под лозунгами отказа от прежнего национального и социального угнетения, строительства нового, социалистического общества, проведения последовательно интернационалистской политики. И это — несомненная заслуга большевиков.

После беспощадного «умиротворения» Россия была бы на долгие годы обречена на статус полуколониальной периферии Запада, поскольку ей пришлось бы еще и расплачиваться по колоссальным царским долгам и военным займам. Видимо, не случайно сразу после окончания Первой мировой войны на конференции под Парижем президент США В. Вильсон предложил поделить нашу страну на 14 частей (оккупационных зон) и установить в них «контрольный режим». Франция и Англия выставили руководителям Белой армии счета за поставки материальных средств, предоставленных ранее России для ведения боевых действий, на сотни миллионов долларов. Новые прозападные правители России, конечно, не пошли бы на тот решительный шаг, который предприняли большевики, отказавшиеся платить по долгам свергнутого режима. А это значит, что расплачиваться с кредиторами стране пришлось бы за счет распродажи национальных ресурсов и дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся, которых к тому же, безусловно, лишили бы социальных завоеваний, достигнутых в 1917 году.

И «last, but not least». Без радикальной, социалистической по своему содержанию революции у России не было бы шансов в короткие исторические сроки стать одной из ведущих индустриальных держав мира. Только такая революция могла ликвидировать прежние, почти непреодолимые сословные перегородки, предоставить гигантскому крестьянскому населению и рабочему классу реальную возможность подняться вверх по социальной лестнице. А главное — воодушевив огромные массы населения идеей строительства свободного от прежнего гнета, справедливого общества, революция позволила мобилизовать десятки миллионов людей на модернизацию экономики, в том числе проведение ускоренной индустриализации, обеспечившей победу в новой тяжелейшей войне. Без энтузиазма масс, разбуженных и в полном смысле этого слова поднятых революцией со дна общества, такой титанический прорыв был бы немислим, а это значит, что России на долгие десятилетия пришлось бы довольствоваться судьбой слаборазвитой аграрно-сырьевой периферии богатого Запада.

* * *

На протяжении последних лет СМИ и ряд недобросовестных ученых пытаются навязать нашим гражданам такой образ Ленина, в котором заинтересован правящий ныне в стране класс. Для нынешней власти и буржуа всех оттенков Ленин был и всегда будет несравнимо более опасен и страшен, чем даже Сталин. И вот почему. Личность Сталина всегда при желании можно трактовать — и это не будет искажением правды — как талантливого организатора, государственника, а его деятельность преподносить как успешное формирование эффективной «вертикали

власти»²¹. Одного нынешние правители России и их либеральная идеологическая обслуга не сделают никогда — не признают исторического величия Ленина. Причина проста: Ленин был и навсегда останется символом *социального освобождения* людей труда. А это самое жуткое из всего того, что страшит господствующие классы по всему миру. Из-за этого такая ненависть к Ленину, потоки всевозможной клеветы в его адрес.

О пресловутых «немецких деньгах» и упоминать не хочется: настолько набили оскомину эти давно опровергнутые серьезными отечественными и зарубежными исследователями фальшивки, сфабрикованные разведслужбами Антанты летом 1917 года²². Но не менее лживы выдумки тех, кто в наши дни утверждает, будто Ленин, большевики не любили Россию. Наоборот, все их помыслы, вся их, порой доходившая до самопожертвования, деятельность были направлены именно на то, чтобы поднять народы России с колен и, покончив с вековой социальной несправедливостью и эксплуатацией, обеспечить униженным и угнетенным классам лучшую жизнь. В отличие от нынешних правителей, у них не обнаружишь и следов стремления к личному обогащению, приобретению собственности или удержанию власти ради власти²³.

Фактически следуя, как ни странно, установкам «Краткого курса истории ВКП(б)», противники социализма объявляют Ленина предтечей Сталина, приписывая им одинаковое стремление решать все вопросы путем насилия²⁴. Тем самым сознательно смешиваются совершенно разные этапы исторического развития. Следует иметь в виду, что три года

²¹ Собственно, это уже и происходит. В печати широко обсуждалась книга для учителя «Новейшая история России 1945—2006 гг.». Как выяснилось, эту книгу «заказали непосредственно в администрации президента. Из администрации были даны и указания по формированию оценок исторических деятелей: «Сталин — хороший (утвердил вертикаль власти, но не было частной собственности); Хрущев — плохой (ослабил вертикаль); Брежнев — хороший по тем же критериям, что и Сталин; Горбачев, Ельцин — плохие (развалили страну, однако при Ельцине возникла частная собственность); Путин — лучший управленец (укрепил вертикаль власти и частную собственность)» («Коммерсантъ Власть». 16.07.2007. С. 15).

²² Грубо сработанными фальшивками были признаны «документы» о «германском золоте» известным американским дипломатом Дж. Кеннаном еще в 1956 году (см. **G. Kennan**. The Sisson Documents. — «Journal of Modern History». 1956. Vol. XXVIII. № 2). Вопрос о происхождении этих фальшивок был всесторонне исследован в архивах США покойным российским историком В. Старцевым (см. **В. И. Старцев**. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001), современным американским историком С. Ляндерсом (см. **S. Lyandres**. The Bolshevik's «German Gold» Revisited. An Inquiry into 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995). Любой желающий может ознакомиться и с недавними публикациями на ту же тему: см., например: **Г. Соболев**. Тайна «немецкого золота». СПб., 2002; **А. Колганов**. Миф о «немецком золоте». — «Альтернативы». 2006. № 2; *его же*. Этика антикоммунизма. — «Московские новости». 2007. № 37; **В. Логинов**. В шаге от пропасти. — «Литературная газета». 2007. № 30 и др.

²³ По верному замечанию Ф. Бирюкова, в наши дни «к образу красного вождя обращают свои взоры те, кто жаждет восстановления попорченной справедливости. Ильич остается ориентиром для униженных и оскорбленных, обманутых и лишних. А таких людей в России не становится меньше...» («НГ-Ex libris». 13.09.2007).

²⁴ См., например: **R. Gellately**. Lenin, Stalin, and Hitler. The Age of Social Catastrophe. N. Y., 2007.

военной мясорубки (1914—1917) чудовищно обесценили человеческую жизнь, сделав возможными любые насилия и зверства. Не случайно в те годы вместо «расстрелять» в России говорили «шлепнуть» — словно муху прибить... Нельзя забывать и того, что проводившийся в 1918 году «красный террор», вооруженные действия последующих двух лет были направлены против действительных врагов революции и новой власти, против тех, кто с оружием в руках сражался против нее или участвовал в заговорщической деятельности с целью ее свержения. Защита власти всеми доступными методами, тем более в экстремальных условиях Гражданской войны, совершенно законное и нормальное явление.

Репрессии же сталинских времен осуществлялись в 30-е, 40-е и в начале 50-х годов, когда реальной *внутренней* угрозы со стороны организованных противников Советской власти не существовало. Если какая-то угроза и была, то не для Советской власти, а для *личной власти* самого Сталина. А это совсем не одно и то же. Сам Сталин полностью отождествил оба понятия и, более того, смог убедить значительные массы населения в подлинности такого отождествления. Однако Советская власть, даже кастрированная на сталинский манер, вовсе не исчерпывалась личной властью вождя, как и социализмом по-сталински не исчерпывался социалистический путь развития.

С помощью террора Сталин стремился вытравить то нравственное начало, которое несла в себе революция. Гражданский мир в стране его не устраивал, классовую борьбу он понимал как борьбу на уничтожение. Его мало беспокоило невыполнение лозунгов и обещаний времен Октября. Сталин отбросил гуманные, демократические идеалы революции. Когда кто-то стремится подчинить себе народ, то неизбежно бывает много крови и разбитых судеб. А этот человек требовал абсолютного повиновения, и чем дальше — тем беспощаднее. Правы те, кто говорит: «На самом деле Сталин — ниспровергатель Ленина... Он кардинально изменил цели Октябрьского переворота»²⁵. Как очень точно заметил философ и политолог И. Пантин, «Сталин явился представителем не рассудка победившей пролетарско-якобинской революции, а ее суеверий, не трудного, но трезвого понимания вещей, а ее опьянения от завоевания власти путем насилия»²⁶.

Изначальными ценностями марксистской идеологии были свобода человека и возможность его личностного развития. Добиться этого он может, освободившись от экономического угнетения. Необходимо лишь обеспечить каждому доступ к совместной собственности. Это и есть путь к освобождению человека и развитию его личности. Подменив совместную собственность неподконтрольной обществу государственной собственностью, которой распоряжается номенклатурное чиновничество, и сведя свободу человека к пустой декларации, сталинизм не оставил камня на камне от марксистских представлений о социализме.

²⁵ А. Салуцкий. Кто там шагает левой? Состоится ли Четвертая Россия? — «Литературная газета». 2007. № 32.

²⁶ И. К. Пантин. Ленин — большевизм — русская революция. — «Вопросы философии». 2005. № 4. С. 47.

Свернув нэп, проведя насильственную коллективизацию, развязав жесточайшие репрессии и истребление тех, кого принято причислять к «ленинской революционной гвардии», Сталин, ставший на рубеже 20—30-х годов полновластным диктатором, навязал стране собственное, весьма убогое представление о социализме, имевшее мало общего с тем проектом социалистического преобразования России, который разрабатывался и начал воплощаться в жизнь в последние годы жизни Ленина. Практически ничего, кроме названия, к концу 30-х годов не оставалось от прежней большевистской партии. Была выхолощена глубинная демократическая суть власти Советов, в стране воцарились порядки настоящего полицейского государства. «Большой террор» 1937—1938 годов вообще вывел Сталина за рамки социалистической парадигмы. Лишь много лет спустя стало очевидным, какой колоссальный ущерб сталинская политика нанесла делу социализма, скольких людей в мире она отвратила от выбора в пользу социалистического преобразования жизни. Как верно отмечал известный историк В. Данилов, «...происшедшее на наших глазах падение советского строя — непосредственное следствие сталинизма»²⁷.

* * *

Несмотря на извращения и вульгаризацию социалистической идеи после смерти Ленина, импульс Октября сохранялся на протяжении многих десятилетий. Идеи социального и национального освобождения, строительства нового общества в действительности, а не только на словах, на долгие годы овладели широкими массами, став подлинной материальной силой. Именно эта сила позволила в кратчайшие исторические сроки перевести страну на рельсы индустриального развития, одержать верх в самой разрушительной и кровопролитной войне XX века. А после Победы — поднять из руин народное хозяйство, добиться громадных успехов в науке и культуре, совершить прорыв в космос, обеспечить ракетно-ядерный паритет, превратить Советский Союз в авторитетнейшую мировую державу.

Тем не менее модель «казарменно-бюрократического» социализма, созданная Сталиным, могла сносно функционировать лишь в условиях личной диктатуры «вождя», изоляции страны от всего мира, в атмосфере репрессий или наличия угрозы их применения. Со смертью Сталина начались ее сбои и разложение. Имитация реформ при Н. Хрущеве, как и попытки реанимации элементов сталинизма при Л. Брежневе только ухудшали положение, усиливая гниение системы.

Осознание давно назревшей необходимости ее глубокого преобразования, перехода от слишком затянувшейся начальной, примитивной фазы социализма к более высокой, развитой фазе демократического и гуманного социалистического общества, со смешанной государственно-рыночной экономикой пришло слишком поздно, запоздав как минимум на три десятилетия. К сожалению, вместо того, чтобы последовать

²⁷ «50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX в. Материалы круглого стола 4 марта 2003 г.» М., 2003. С. 154.

призыву Ю. Андропова и, прежде всего, глубоко разобраться в том, что за общество у нас построено, и лишь потом приступать к его планомерному совершенствованию, власть во времена М. Горбачева встала на путь проведения скоропалительных, непродуманных реформ, разрушения того, что было создано в стране за семь десятилетий. Горбачевское правление, вызвавшее такой восторг на Западе, не может не поражать своей политической беспомощностью, неопытностью и безответственностью перед страной. Многие считают, что это была вообще не власть, а бездумная капитуляция ее, завершившаяся катастрофой 1991 года. Что касается ельцинской власти, то, как отмечал тот же А. Солженицын, она тоже «характеризовалась безответственностью перед народной жизнью не меньшей, только в других направлениях. В безоглядной поспешности — скорей, скорей установить частную собственность вместо государственной — Ельцин разнуздан в России массовое, многомиллиардное ограбление национальных достояний. Стремясь получить поддержку региональных лидеров — он прямыми призывами и действиями подкреплял, подталкивал сепаратизм, развал Российского государства. Одновременно лишая Россию и заслуженной ею исторической роли, ее международного положения. Что вызывало не меньшие аплодисменты со стороны Запада»²⁸.

Вместо того, чтобы совершенствовать социалистическую систему, с умом использовать ее гигантский потенциал и несомненные преимущества для перехода к постиндустриальной стадии развития, силы, во многом случайно прорвавшиеся на рубеже 80—90-х годов к рычагам власти, отбросили Россию на многие десятилетия назад, в эпоху первобытного, бандитского капитализма²⁹. Фактически, мы вскочили на подножку поезда, давно отправленного на вечную стоянку в общественно-историческом отстойнике.

Советская власть, даже искалеченная бюрократическим аппаратом, оторвавшаяся после смерти Ленина от нужд народа, все же в конечном счете — просто в силу своей природы — всегда выражала и защищала интересы подавляющего *большинства* населения — широких масс трудящихся. Нынешняя власть, изначально далекая от интересов людей труда, отражает и обслуживает интересы подавляющего *меньшинства* народа — горстки заправил крупного бизнеса и тесно связанной с ним верхушки чиновничьего аппарата. По сути, идеология Кремля сводится к тому, что хорошо все, что приносит выгоду прямо сейчас, а потом можно будет сыграть еще раз или просто сбежать из страны туда, куда уже переправлены капиталы и семьи.

²⁸ «Профиль». 26.07.2007. № 28. С. 79.

²⁹ Бывший корреспондент газеты «Вашингтон пост» в Москве Дэвид Хоффман в книге «Олигархи», вышедшей в свет весной 2007 года, пишет: «Чубайс рассказывал, как во время визита в Лондон они с Немцовым спросили премьер-министра Тони Блэра: “Что вы предпочитаете: коммунизм или бандитский капитализм?” По словам Чубайса, Блэр подумал минуту и ответил: “Бандитский капитализм лучше”. “Абсолютно правильно”, — согласился Чубайс» (*цит. по:* «Комсомольская правда». 19—26.04.2007).

То, что проделали со страной неолиберальные реформаторы, до сих пор контролируемые финансово-экономический блок правительства, было с самого начала пропитано глубочайшим пренебрежением, презрением к своему народу. Шоковая терапия, «черный вторник», расстрел «Белого дома», грабительская приватизация, война в Чечне, дефолт... Они топтали свой народ, оправдываясь тем, что иначе вернутся коммунисты. На рубеже 80—90-х годов была уникальная возможность построить наконец в России справедливое социальное общество. Реформаторы променяли ее на личные выгоды. Благодаря им страна утонула сейчас во лжи, воровстве и цинизме. В стране установился действующий до поры до времени консенсус предпринимательствующей власти и коррупционной бюрократии.

Первоначальные представления о том, что капитализм решит все проблемы страны, а деньги обеспечат счастье, растаяли на удивление быстро. Капитализм как общество равных возможностей, как и следовало ожидать, оказался фикцией. Дорога в буржуазное счастье на поверку вышла открытой не трудолюбивым и талантливым, а тем, кто в роковые 90-е оказался ближе к приватизационному крану или к криминальным источникам обогащения. С той поры и поныне наша «элита» продолжает насаждать в России свою мораль — культ денег и неумеренного потребления, самодовольство, бахвальство и хамство.

В современной России практически исчез фактор страха и неотвратимости возмездия за воровство и мздоимство. А общество разуверилось в справедливости. За украденный батон хлеба могут и посадить. А вот если наворовал миллионы, есть возможность стать сенатором или депутатом. «Сегодня, может быть, самые бессовестные русские времена, — считает кинорежиссер С. Соловьев. — Действительно, оглянитесь вокруг и вы поймете, для того, чтобы быть успешным, разумеется, в сегодняшнем общественном понимании, нужно, прежде всего, убить в себе совесть»³⁰. Полностью выпали из обихода нравственные категории. Невозможно вспомнить, когда о ком-нибудь было сказано «бессовестный», «жестокий», «тщеславный». Точно так же давно не принято оценивать публичных персонажей словами «порядочный», «честный» — разве что, как заметил писатель А. Кабаков, по традиции в некрологах.

Страну разлагает имущественное неравенство. Росстат утверждает, что 10 процентов самых богатых россиян получают в 15 раз больше, чем 10 процентов самых бедных. На самом деле, по оценкам независимых экспертов, пропасть между бедными и богатыми значительно глубже. Разница в доходах достигает 50 и более раз. По этому показателю мы, похоже, обгоняем даже Африку...

* * *

В октябре 1917-го история дала России единственный шанс стать мировым лидером или, как с пафосом именовали это в прежние времена, — «авангардом человечества». Несмотря на все трудности, а порой

³⁰ «Аргументы и факты». 2006. №33.

и откровенные уродливости ее последующего развития, миллионы и миллионы людей по всему миру видели в нашей стране прообраз освобождения от эксплуатации, угнетения и социального неравенства, присущих всей истории человеческого общества. А ныне известный драматург А. Баранов с горечью высказал то, что в глубине души давно уже осознали мыслящие и совестливые люди в стране: «Мы потеряли единственную на планете политическую систему, при которой человек мог быть человеком, а не хитрой, лицемерной, расчетливой, продажной сволочью, как при развитом капитализме...»³¹

Политологи с тревогой констатируют, что Россию сейчас почти ничего не объединяет. Общество предельно атомизировано, люди чувствуют себя совершенно не защищенными, не уверенными в завтрашнем дне. Отчуждение от власти достигло чудовищной глубины. Нет не только общей идеологии, но даже общего информационного пространства. В стране нарастает раздражение из-за дикого социального расслоения, непрерывного роста цен на товары первой необходимости, тарифов за газ, электричество, коммунальных платежей, из-за необходимости расходовать огромные деньги, чтобы дать своим детям образование и получить нормальную медицинскую помощь. В глазах общества лицемерными выглядят разговоры государственной власти о борьбе с коррупцией: как выразился один ученый, невозможно выиграть бой с собственной тенью. Сложившаяся в России система власти демонстрирует и неспособность справиться с захлестнувшим страну криминалом. Как констатировал известный специалист в этой области А. Хинштейн, «вся борьба с организованной преступностью давным-давно свелась уже к нулю. Лидеры солнцевской, как, впрочем, и остальных, ОПГ с полным основанием чувствуют себя подлинными хозяевами жизни. У них есть главное стратегическое оружие нашего времени: деньги. А когда есть деньги, можно ничего не бояться — ни прокуратуры, ни милиции, ни ФСБ»³². Коррупция и преступность, как и другие социальные пороки, — это порождение установленного в стране капиталистического строя. Сведя весь смысл и все многообразие жизни к категории прибыли, к чистогану, он заставляет людей искать любых способов наживы, невзирая ни на какие моральные ограничители или законы. Россия стала настоящим раем для разного рода мошенников, перекупщиков, спекулянтов, посредников...³³

С точки зрения экономической в регионах давно созрело понимание того, что центр все у них забирает. Шумно рекламируемые «партией власти» прибавки к зарплатам, пенсиям и пособиям мгновенно улетучиваются из-за быстрого роста стоимости жизни. Нашим современным лидерам даже не приходит в голову мысль, что народ может что-то решать сам, выдвигать какие-то свои, не согласованные с Кремлем идеи,

³¹ «Московские новости». 2007. №5.

³² «Московский комсомолец». 25.09.2007.

³³ См. Г. Хохряков. Социалистическая идея и будущее России. — «Политический класс». 2007. Июль.

своих, а не принадлежащих к правящей группировке претендентов на места во властных структурах. Избирательный процесс вообще превращен в фарс. Сегодня это вызывает усиление политической апатии, осознание людьми, что при решении государственных дел от них ничего не зависит. Но завтра все может измениться с точностью до наоборот. По словам известного специалиста в области социологии конфликтов, «народ, которому не оставлено выбора, обречен на восстание»³⁴.

Трудно сказать, к чему все это приведет в ближайшем будущем. То ли к медленному загниванию, как во времена застоя. То ли и в самом деле к социальному взрыву, об опасности которого предупреждают некоторые ученые³⁵. Остается лишь надеяться, что все-таки проснется наше общество, которое уже научилось жить отдельно от власти и вообще не понимает, для чего ему нужна нынешняя власть, работающая на себя, а не на людей. И постепенно обретет силы, чтобы защитить свои интересы, положить конец беспределу и алчности слившегося с бизнесом чиновничества, сделать выбор в пользу «нового социализма», социализма XXI века...

Идеологическая обслуга нынешних хозяев Кремля давно изыскивает способы вытравить из памяти наших сограждан память об Октябре. Интеллектуальный потенциал этих «идеологов» оказался, однако, в состоянии произвести на свет лишь полный пшик. С их подачи власть предприняла попытку подменить отмечаемую 7 ноября годовщину революции новым праздником — 4 ноября. Он был провозглашен Днем национального единства в честь освобождения нашей страны в начале XVI века от иноземных интервентов и окончания Смуты³⁵. Но в силу исторического невежества власти и ее обслуги произошла накладка. Не только для людей, профессионально занимающихся историей, но и для всех, кто просто интересуется прошлым нашей Родины, очевидно, что за придуманным новым праздником нет никакого реального содержания. Как с возмущением говорил в одном интервью авторитетный российский историк академик В. Янин, «у нас нет уважения к истории, ее часто подгоняют к временным политическим обстоятельствам... Новый праздник — День национального единства, назначенный на 4 ноября, не соответствует исторической правде. Конец Смутного времени тогда не наступил, оно закончилось лишь через 6 лет, когда Смоленск и Новгород были освобождены от шведов»³⁶. Хочется верить, что затея с наспех придуманным праздником рано или поздно пройдет. А мы, как и наши потомки, будем отмечать подлинный праздник — день величайшей социальной революции в истории человечества, изменившей облик всего современного мира. ◆

³⁴ См. Ю. Нисневич. Власть как таковая Путину не нужна. — «Политический журнал». 2007. № 1—2.

³⁵ Как признался один из представителей властвующей ныне «элиты», «мы, похоже, рождают идеи то ли разучились, то ли еще не научились. Вот и вытаскиваем на свет либо теории XVI века, либо суррогаты...» («Профиль». 10.09.2007. № 33. С. 35).

³⁶ «Известия». 06.09.2007.